НОВООТКРЫТЫЙ ФРАГМЕНТЪ

ИЗЪ

МНИМАГО ПЕРВОЕВАНГЕЛІЯ

(Къ вопросу о происхожденіи и взаимномъ отношеніи синоптическихъ евангелій).

Митрофана Муретова.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, (быв. М. Н. Лаврова и К°),
Леонтіевскій переулокъ, домъ Лаврова.
1887.

BS
2315

НОВООТКРЫТЫЙ ФРАГМЕНТЪ

ИЗЪ

МНИМАГО ПЕРВОЕВАНГЕЛІЯ

(Къ вопросу о происхожденіи и взаимномъ отношеніи синоптическихъ евангелій).

Митрофана Муретова.

МОСКВА.
Типографія М.Г.Волчанинова, (быв. М.Н. Лаврова и К⁰),
Леонтьевскій переулокъ, домъ Лаврова
1887.

Печатать дозволяется. Московская Духовная Академія, 24 Ноября 1886 года.

Ректоръ Академіи Архимандритъ *Христофоръ*.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
212559

Новооткрытый фрагментъ изъ мнимаго Первоевангелія.

(Къ вопросу о происхожденіи и взаимномъ отношеніи нашихъ первыхъ трехъ, такъ называемыхъ синоптическихъ, евангелій).

Многіе изъ новѣйшихъ ученыхъ западныхъ считаютъ наши синоптическія евангелія не за подлинныя первоапостольскія писанія, но за позднѣйшую, уже вторичную или даже третичную, обработку подлинно-апостольскихъ, до насъ не дошедшихъ, первозаписей евангельскихъ. Полная несостоятельность этой такъ называемой *теоріи письменныхъ первоисточниковъ*, со стороны ея общихъ и главныхъ основаній, раскрыта нами въ одной изъ статей этого журнала, къ которой и отсылаемъ желающихъ познакомиться съ дѣломъ ближе [1]). Настоящую же замѣтку посвящаемъ одному, въ прошломъ году открытому, фрагменту, который для теоріи первозаписей евангельскихъ можетъ дать повидимому весьма благодарный матеріалъ, — болѣе благодарный, чѣмъ какимъ принуждена была она пробавляться доселѣ. Вмѣсто прежнихъ гадательныхъ предположеній о характерѣ первоапостольскихъ записей защитники

---

[1]) „О происхожденіи и взаимномъ отношеніи синоптическихъ евангелій". Прибавленія къ твореніямъ Св Отцевъ, 1881, кн. 1, стр. 1 дал.

этой теоріи находятъ въ новооткрытомъ фрагментѣ такъ сказать вещественное доказательство бытія текста евангельскаго, болѣе древняго чѣмъ текстъ синоптическій и до насъ не дошедшаго, изъ котораго возникли наши первыя три каноническія евангелія: приверженцы упомянутой гипотезы могутъ видѣть и дѣйствительно уже видятъ въ новооткрытомъ фрагментѣ отрывокъ именно изъ самаго этого мнимаго первоевангелія.

Фрагментъ найденъ между многочисленными папирусными свитками, написанными въ среднемъ Египтѣ и составлявшими провинціальный архивъ въ Файюмѣ—прежній арсеноитскій номосъ. Весь этотъ архивъ купленъ въ 1884-мъ году австрійскимъ эрц-герцогомъ Райнеромъ (Rainer) и переданъ имъ Вѣнскому Музею искусствъ и промышленности. Надъ разборомъ манускриптовъ трудятся теперь оріенталистъ І. Карабасекъ и классическій филологъ К. Весселей, по сообщеніямъ которыхъ [1]) архивъ имѣетъ, кромѣ бумагъ оффиціальнаго характера, остатки многочисленныхъ папирусныхъ свитковъ, содержащихъ въ себѣ произведенія древне-египетской, классической, первохристіанской, іудейской и мусульманской литературъ, начиная со втораго и кончая десятымъ вѣкомъ по Р. Х. Для изучающихъ Новый Завѣтъ примѣчателенъ одинъ фрагментъ, помѣченный названными учеными такъ: „*отрывокъ Матѳеева Евангелія, принадлежащій 3-му вѣку*“ [2]), на который обратилъ особенное вниманіе Dr. F. Biccel и который онъ издалъ въ Zeitschrift für katholische Theologie, 1885, III, S. 498—504. По описанію Биккеля фрагментъ

---

[1]) Oesterreichische Monatschrift fur den Orient, 1884, 172 S.

[2]) ein Bruchstück des Matthaus - Evangeliums aus dem 3 Jahrhundert“

представляетъ небольшой клочекъ папируснаго свитка въ $3^1/_2$ центиметра длины и $4^1/_3$ центиметра ширины, написанный, какъ и многіе древніе свитки, только на одной сторонѣ. Письменный матеріалъ (красный карандашъ) и знаки сокращенія (двѣ точки вмѣсто позднѣйшихъ горизонтальной черты и титла) заставляютъ Биккеля утверждать, что „фрагментъ написанъ безъ сомнѣнія въ 3-мъ столѣтіи, если не ранѣе“. Онъ имѣетъ только семь строкъ греческаго текста, и то неполныхъ, — начала и конца каждой строки нѣтъ, — также и въ срединѣ не всѣ буквы видны явственно. Факсимиле фрагмента мы пока не имѣемъ и воспроизводимъ его по изданію Биккеля, причемъ минускулами отмѣчаемъ въ 1, 4 и 7-й строкахъ буквы сомнительныя, которыхъ не читаетъ Каребасекъ, но которыя, по увѣренію Биккеля, видны во фрагментѣ, хотя и очень неявственно.

ΦΛΓΕΙΝΩΣεξΗγονΠΛ
ΤΗΝΥΚΤΙΣΚΑΝΔΑΛΙΣ
ΤΟΓΡΑΦΕΝΠΑΤΛΞΩΤΟΝ
πΡΟΒΑΤΑΔΙΑΣΚΟΡΠΙΣΘΗΣ
ΥΪΗΕΪΚΑΙΕΠΠΑΝΤΕΣΟ
ΟΑΛΕΚΤΡΥΟΝΔΙΣΚΟΚ
ΠΑρν

Занимающій третью и четвертую строку извѣстный цитатъ изъ Захаріи XIII,7 даетъ возможность дополнить недостающія здѣсь буквы и чрезъ то опредѣлить среднее количество буквъ для каждой строки. Судя по этому цитату, каждая строка имѣла приблизительно — 28 или нѣсколько болѣе буквъ, что вполнѣ согласуется съ приводимымъ Гарнакомъ [1]) наблюденіемъ Бирта [2]), что „строка папирусныхъ свит-

[1]) Theologische Litteraturzeitung, 1885, Nr. XIII.
[2]) Birt, Das Antike Buchwesen, I, S. 28.

ковъ, которые дошли до насъ, не имѣетъ постоянно однообразной длины, *но большею частію она не превышаетъ 28 буквъ*". Такимъ образомъ всѣ семь строкъ фрагмента должны были имѣть отъ 196 до 203 буквъ. Вычитая отсюда 97 вполнѣ сохранившихся буквъ и 7 сомнительныхъ, находимъ, что для реставраціи всего фрагмента требуется дополнить 91 или 98 буквъ. Утверждаясь на этихъ данныхъ, Биккель возстановляетъ фрагментъ въ такомъ видѣ:

[Μετὰ δὲ τὸ] φαγεῖν, ὡς ἐξῆγον, Πά[ντες ἐν
ταύτῃ] τῇ νυκτὶ σκανδαλισ[θήσεσθε
κατα] τὸ γραφέν Πατάξω τὸν [ποιμένα,
καὶ τὰ] πρόβατα διασκορπισθήσ[ονται.
εἰπόντος το[ῦ Πέτρου Καὶ εἰ πάντες, ο[ὐκ
ἐγώ, ἔφη αὐτῷ] Ὁ ἀλεκτρυὼν δὶς κοκ[κύσει,
καὶ σὺ πρῶτον τρὶς ἀ]παρν[ήσῃ με] [3]).

Сравнивая возстановленный въ такомъ видѣ файюмскій фрагментъ съ текстомъ каноническихъ Матѳея XXVI, 30—34 и Марка XIV, 26—30, Биккель усиливается доказать, что „папирусъ представляетъ отрывокъ изъ какого либо древнѣйшаго и до насъ недошедшаго евангелія неканоническаго или точнѣе доканоническаго, которое отличалось отъ каноническихъ Матѳея и Марка болѣе, чѣмъ сколько эти послѣдніе уклоняются другъ отъ друга, но которое было болѣе сходно съ Маркомъ чѣмъ съ Матѳеемъ". Такимъ образомъ по Биккелю, предположеніе котораго принимаетъ и развиваетъ Гарнакъ, „мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ первичныхъ опытовъ по евангельской исторіи, о которыхъ говоритъ Лука въ началѣ своего евангелія

[3]) Въ квадратныхъ скобахъ мы ставимъ реставрированныя части фрагмента.

(I, 1—4) и изъ обработки которыхъ возникъ текстъ каноническихъ синоптиковъ".

Къ такому заключенію ведутъ названныхъ ученыхъ слѣдующія соображенія:

а) Весь вообще текстъ файюмскаго фрагмента почти вдвое короче не только Матѳея, но и Марка: между тѣмъ какъ въ соотвѣтствующемъ фрагменту отдѣленіи у Матѳея насчитывается 379 буквъ, а у Марка по меньшей мѣрѣ 332,—папирусъ могъ имѣть никакъ не болѣе 196 или 203 буквъ.

б) Связь предсказанія Господа о соблазнѣ учениковъ съ тайною вечерею у Матѳея и Марка иная, чѣмъ во фрагментѣ. Если тамъ читаемъ: „*и воспѣвъ вышли на гору Елеонскую, тогда* (Маркъ „*и*") *говоритъ имъ Іисусъ*",—то во фрагментѣ, по реставраціи Биккеля, это предсказаніе Христа непосредственно примыкаетъ къ какой-либо другой рѣчи Его, сказанной Имъ на вечери, такъ что связь фрагмента съ предыдущимъ приблизительно можно возстановить въ такомъ видѣ: „*на вечери Господь сказалъ ученикамъ.... послѣ же вечери, когда вышли,* „*всѣ соблазнитесь*"..... Здѣсь нѣтъ даже обычнаго у синоптиковъ ἔφη, λέγει или εἶπεν, что̀ можетъ указывать на первичную литературную наивность первоевангельскаго текста. Такое же заключеніе Гарнакъ извлекаетъ изъ болѣе разговорнаго и наглядnаго ἐξῆγον нашего фрагмента вмѣсто болѣе литературнаго ἐξῆλθον Матѳея и Марка.

в) Предсказаніе Господа у Матѳея и Марка изложено въ полномъ и округленномъ предложеніи: „*всѣ вы соблазнитесь обо Мнѣ въ эту ночь*"; фрагментъ короче и отрывочнѣе: «*всѣ въ эту ночь соблазнитесь*".

г) Вмѣсто Матѳеева и Маркова: „*потому что написано*" (предъ цитатомъ изъ Захаріи), фрагментъ: „*по написанному*".

д) Въ самомъ цитатѣ изъ Захаріи вмѣсто Матѳеева: „*поражу пастыря и разсѣются овцы стада*“, фрагментъ короче и сходно съ Маркомъ: „*поражу пастыря и разсѣются овцы*“.

е) Фрагментъ не имѣетъ пророчества Христа, которое у Матѳея и Марка помѣщено вслѣдъ за цитатомъ изъ Захаріи: „*но послѣ того какъ воскресну, предварю васъ въ Галилею* (Мато. XXVI, 32; Марк. XIV, 28).

ж) Вмѣсто полнаго и округленнаго предложенія предъ словами Петра: „*Петръ же сказалъ Ему*“ (Марк.) или: „*отвѣчавъ же Петръ сказалъ Ему*“ (Матѳ.), во фрагментѣ стоитъ придаточное предложеніе въ формѣ родительнаго самостоятельнаго, малоупотребительнаго въ каноническихъ евангеліяхъ вообще, и никогда при изложеніи рѣчей: „*сказавшу Петру*“,—оборотъ менѣе литературный и болѣе свойственный первоначальному наивному разсказу евангельской исторіи.

з) Слова Ап. Петра фрагментъ передаетъ въ болѣе отрывочной и болѣе приближающейся къ обычному разговору формѣ, чѣмъ Матѳей и Маркъ, которые излагаютъ ихъ въ полномъ и закругленномъ предложеніи. У Матѳея: „*если всѣ соблазнятся о тебѣ, то я никогда не соблазнюсь*“, — Маркъ: „*и если всѣ соблазняются, но не я*“,— фрагментъ: „*и если всѣ, не я*“.

и) И если далѣе мы читаемъ у Матѳея: „*сказалъ ему Іисусъ*“, а у Марка „*и говоритъ ему Іисусъ*“ — фрагментъ только: „*сказалъ*“.

к) Уже всѣ предыдущія наблюденія, по мнѣнію Гарнака, показываютъ, что стиль фрагмента, сравнительно съ каноническимъ текстомъ, отличается большею краткостію и наивностію, меньшею литературностію: несомнѣнный будто бы признакъ большей

оригинальности и древности папируснаго текста. Но особенное вниманіе свое критикъ останавливаетъ на изложеніи пророчества Христа о троекратномъ отреченіи Ап. Петра. Фрагментъ не имѣетъ священно-торжественной (hieratische), какъ выражается Гарнакъ, формулы Матѳея и Марка, предваряющей пророчество: „*истинно говорю тебѣ*“. Затѣмъ вмѣсто торжественно-поэтическаго выраженія: „πρὶν ἀλέκτορα φωνῆσαι — *пѣтелъ возгласитъ*“ — фрагментъ имѣетъ вульгарное и звукоподражательное: „ὁ ἀλεκτρυὼν κοκκύξει—*пѣтухъ прокукарѣчитъ*“. И, наконецъ, все изреченіе Христа, изложенное у Матѳея и Марка въ полномъ и литературно-округленномъ предложеніи: „*истинно говорю тебѣ, что* (Маркъ: „*ты сегодня*“) *въ эту ночь, прежде чѣмъ пѣтелъ* (Маркъ: „*дважды*“) *возгласитъ, трижды отречешься отъ Меня*“—фрагментъ короче и ближе къ разговорному простонародному языку: „*пѣтухъ дважды прокукарѣчитъ, и ты прежде трижды отречешься отъ Меня*“.

Это текстуальное сравненіе фрагмента съ Матѳеемъ и Маркомъ представляетъ будто бы наглядную исторію евангельскаго текста, его постепенное распространеніе и преобразованіе изъ простаго, отрывочнаго и наивнаго въ болѣе полную, литературно-округленную и священно-торжественную форму. Для большей удобопонятности заключеній Гарнака и нашихъ дальнѣйшихъ разсужденій приводимъ въ буквальномъ переводѣ весь текстъ фрагмента (по теоріи—*первичный*) параллельно съ текстомъ Марка (по теоріи—*вторичная обработка*) и Матѳея (*третичная рецензія*):

Фрагментъ.	Маркъ.	Матѳей.
1) Послѣ же вечери (букв. „ядѣнія“), когда ушли,	И воспѣвъ вышли на гору Елеонскую. И говоритъ имъ Іисусъ,	И воспѣвъ вышли на гору Елеонскую. Тогда говоритъ имъ Іисусъ:
2) Всѣ въ эту ночь соблазнитесь,	что всѣ соблазнитесь въ эту ночь;	Всѣ вы соблазнитесь обо Мнѣ въ эту ночь:
3) по написанному (нѣкогда):	Потому что написано (есть):	Ибо написано (есть):
4) поражу пастыря и овцы разсѣются.	поражу пастыря и разсѣются овцы; но послѣ того какъ Я воскресну, предварю васъ въ Галилеѣ.	поражу пастыря и разсѣются овцы стада; послѣ же того какъ Я воскресну, предварю васъ въ Галилеѣ.
5) Сказавъ Петръ, (букв. слав. „сказавшу Петру“)	Петръ же сказалъ Ему:	Отвѣчавъ же Петръ сказалъ ему:
6) Если и всѣ, не я,	И если всѣ соблазнятся, но не я.	Если всѣ соблазнятся о Тебѣ, я никогда не соблазнюсь.
7) сказалъ:	И говоритъ ему Іисусъ:	Сказалъ ему Іисусъ:
8) пѣтухъ дважды прокукаречитъ и ты прежде трижды отречешься отъ Меня.	Истинно говорю тебѣ, что ты сегодня въ эту ночь, прежде чѣмъ дважды пѣтелъ возгласитъ, трижды отречешься отъ Меня.	Истинно говорю тебѣ, въ эту ночь, прежде чѣмъ пѣтелъ возгласитъ, трижды отречешься отъ Меня.

Но какія же данныя имѣемъ мы для того, чтобы признавать папирусный свитокъ, отъ котораго уцѣ-

лѣлъ разсматриваемый фрагментъ, за сочиненіе историческое, излагавшее въ послѣдовательномъ порядкѣ жизнь, ученіе и дѣла Господа? Почему не признать этотъ папирусъ за отрывокъ изъ какой-либо проповѣди, посланія, гарманіи, или другаго сочиненія, въ которомъ разсматриваемый цитатъ изъ Евангелій былъ приведенъ по памяти, что̀ нерѣдко встрѣчаемъ въ произведеніяхъ древне-христіанской письменности? — Гарнакъ не отрицаетъ абстрактной возможности такого предположенія. „Но, прибавляетъ онъ, что оно *въ высшей степени невѣроятно* (ausserordentlich unwarscheinlich), это показываетъ точное сравненіе папируснаго текста съ Матѳеемъ и Маркомъ. Едва ли можно допустить, продолжаетъ критикъ, чтобы вслѣдствіе простаго непреднамѣреннаго воспроизведенія по памяти извѣстное мѣсто (изъ нашихъ Евангелій) *случайно* могло принять именно такую форму, въ которой мы, по многимъ основаніямъ, должны признать его древнѣйшую форму. И въ концѣ концовъ, спрашиваетъ критикъ, не имѣемъ ли мы здѣсь отрывокъ изъ извѣстныхъ *Логій Матѳеевыхъ*, о которыхъ свидѣтельствуетъ Папій?“ [1]).

Таковы разсужденія ученаго нѣмецкаго критика, построенныя на Биккелевой реставраціи фрагмента. Но реставрація эта, какъ болѣе или менѣе гипотетическая, не есть единственно возможная и безусловно правильная. Такъ уже Гильгенфельдъ, держась того же принципа, т. е. полагая по 28 буквъ на строку, вноситъ въ Биккелеву реставрацію нѣкоторыя измѣненія и поправки, сближающія фрагментъ

---

[1]) Euseb. H. E. III, 39. Ματθαῖος μὲν οὖν ἑβραΐδι διαλέκτῳ τὰ λόγια συνετάξατο.

съ текстомъ Марка,—именно: вмѣсто διασκορπισθήσονται 4 стр. и πρῶτον 7 стр. онъ читаетъ, какъ у Марка по Тишендорфу (7—8 изд.): διασκορπισθήσεται и σήμερον [1]). Слѣдуя тому же правилу, мы съ своей стороны можемъ предложить нѣкоторую иную реставрацію, при которой текстъ фрагмента становится не столь отрывочнымъ и наивнымъ, какъ у Биккеля и Гильгенфельда.

[Μετὰ
δὲ τὸ] φαγεῖν, ὡς ἐξῆγον. Πά[ντες, ἔφη, ἐν
ταύτῃ] τῇ νυκτὶ σκανδαλισ[θήσεσθε
κατὰ] τὸ γραφέν Πατάξω τὸν [ποιμένα
καὶ τὰ] πρόβατα διασκορπισθήσ[εται.
εἰπόντος (δὲ) το]ῦ Πέτ(ρου) Καὶ εἰ πάντες ο[ὐκ
ἐγώ, εἶπεν (ἔφη αὐτῷ ιλη λέγει)] ὁ ἀλεκτρυὼν δὶς
κοκ[κύξει,
καὶ σὺ σήμερον τρὶς ἀ]παρν[ήσῃ με.]

Но 28-буквенную строку имѣютъ, по наблюденію Вирта, не всѣ безъ исключенія папирусные тексты, а только *бо́льшая часть сохранившихся до нашего времени* свитковъ. И самъ Биккель въ 6-й строкѣ читаетъ 31 букву. Притомъ въ текстѣ фрагмента могли быть и другія сокращенія, кромѣ ΠΕΤ 5-й строки. Такимъ образомъ если принять среднюю длину строки въ 31—32 буквы, мы получимъ возможность сдѣлать такую реставрацію:

[Μετὰ δὲ τὸ] φαγεῖν, ὡς ἐξῆγον (ἐξῆλθον), Πά[ντες, ἔφη [2]),
ἐν ταύτῃ] τῇ νυκτὶ σκανδαλισθήσ[εσθε κα-
τὰ] τὸ γραφέν Πατάξω τὸν [ποιμένα καὶ τὰ
π]ρόβατα διασκορπισ[θήσεται. Ἐπόντος

---

[1]) Zeitschrift fur wissenschaftliche Theologie, 1886, I. S. 50 sq

[2]) Первую строку можно читать и такъ: μετὰ δὲ τὸ φαγεῖν, ὡς ἐξῆγον (ἐξῆλθον), πάντες, εἶπεν (λέγει).

δὲ το]ῦ Πέτ(ρου) Καὶ εἰ πάντες ο[ὐκ ἐγώ, ἔφη. Ἀμὴν λέγω σοι. πρὶν ἢ] ὁ ἀλεκτρυὼν δὶς κοκ[κύσῃ σήμερον, τρὶς ἀ]παρν[ήσῃ με (ἐν ταύτῃ τῇ νυκτί)],

Эта послѣдняя реставрація, столь же вѣроятная какъ и Бикклева, сближаетъ текстъ фрагмента съ текстомъ каноническихъ евангелій, особенно Марка, въ такой мѣрѣ, что отнимаетъ у Гарнака добрую половину его аргументовъ. Съ другой стороны, если мы, слѣдуя предписанію Гарнака, точнѣе разсмотримъ и сравнимъ текстъ файюмскаго фрагмента и текстъ каноническаго Матѳея и Марка, со всѣми существующими въ немъ варіантами, то уклоненія фрагмента почти низойдутъ на степень простыхъ разночтеній, какія нерѣдко встрѣчаются въ нашемъ каноническомъ текстѣ. Наглядным доказательствомъ можетъ служить нижеслѣдующая сравнительная таблица греческихъ текстовъ.

Фрагментъ [1]).	Маркъ.	Матѳей.
1. Μετὰ δὲ τὸ φαγεῖν, ὡς ἐξῆγον (ΕΞΗΓΑΘΟΝ),	Καὶ ὑμνήσαντες ΕΞΗΓΑΘΟΝ εἰς τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν.	Καὶ ὑμνήσαντες ΕΞΗΓΑΘΟΝ εἰς τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν
2. ΠΑΝΤΕΣ, ἔφη (ΛΕΓΕΙ), ΕΝ ΤΑΥΤΗΙ ΤΗΙ ΝΥΚΤΙ ΣΚΑΝΔΑΛΙΣΘΗΣΕΣΘΕ	Καὶ (τότε) ΛΕΓΕΙ αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς ὅτι ΠΑΝΤΕΣ (ὑμεῖς) ΣΚΑΝΔΑΛΙΣΘΗΣΕΣΘΕ (ἐν ἐμοὶ ΕΝ ΤΗΙ ΝΥΚΤΙ ΤΑΥΤΗι).	Τότε ΛΕΓΕΙ αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς· ΠΑΝΤΕΣ ὑμεῖς ΣΚΑΝΔΑΛΙΣΘΗΣΕΣΘΕ ἐν ἐμοὶ ΕΝ ΤΗΙ ΝΥΚΤΙ ΤΑΥΤΗι·
3. κατὰ τὸ γραφέν	ὅτι γέγραπται·	γέγραπται γάρ·

[1]) Большими буквами отмѣчаемъ выраженія, тожественныя во всѣхъ трехъ текстахъ. Въ скобахъ помѣщаемъ варіанты къ Матѳею и Марку и предположительныя разночтенія во фрагментѣ.

Фрагментъ.	Маркъ.	Матѳей.
4. ΠΑΤΑ'ΞΩ ΤΟ'ΝΠΟΙΜΕ'ΝΑ ΚΑΙ' ΤΑ' ΠΡΟ'ΒΑΤΑ ΔΙΑΣΚΟΡΠΙΣΘΗ'ΣΕΤΑΙ.	ΠΑΤΑ'ΞΩ ΤΟ'Ν ΠΟΙΜΕ'ΝΑ ΚΑΙ' (ἰδοὺ) ΤΑ' ΠΡΟ'ΒΑΤΑ (τῆς ποίμνης) ΔΙΑΣΚΟΡΠΙΣΘΗ'ΣΕΤΑΙ. (διασκορπισθήσονται)	ΠΑΤΑ'ΞΩ ΤΟ'Ν ΠΟΙΜΕ'ΝΑ ΚΑΙ' (ΔΙΑΣΚΟΡΠΙΣΘΗ'ΣΕΤΑΙ) διασκορπισθήσονται ΤΑ' ΠΡΟ'ΒΑΤΑ τῆς ποίμνης.
—	Ἀλλὰ μετὰ (μετὰ δέ, καὶ μετά) τὸ ἐγερθῆναί με προάξω ὑμᾶς εἰς τὴν Γαλιλαίαν.	Μετὰ δὲ τὸ ἐγερθῆναί με προάξω ὑμᾶς εἰς τὴν Γαλιλαίαν.
5. Εἰπόντος δὲ τοῦ Πέτρου	Ὁ δὲ Πέτρος ἔφη (λέγει, ἀποκριθεὶς δὲ ὁ Π. εἶπεν) αὐτῷ·	Ἀποκριθεὶς δὲ ὁ Πέτρος εἶπεν αὐτῷ·
6. ΚΑΙ' 'ΕΙ ΠΑ'ΝΤΕΣ, 'ΟΥΚ 'ΕΓΩ'	ΚΑΙ' 'ΕΙ (καὶ ἐάν, κἀν, εἰ καὶ) ΠΑ'ΝΤΕΣ σκανδαλισθήσονται (ἐν σοί), ἀλλ' 'ΟΥΚ 'ΕΓΩ' (σκανδαλισθήσομαι)	'ΕΙ (ΚΑΙ', δε) ΠΑ'ΝΤΕΣ σκανδαλισθήσονται ἐν σοί, 'ΕΓΩ' 'ΟΥδέποτε (ἀλλ' ἐγὼ οὐδέποτε) σκανδαλισθήσομαι (ἐν σοί).
7. 'ΕΦΗ (ΛΕ'ΓΕΙ, 'ΕΙΠΕΝ 'ΑΥΤΩ̃).	Καὶ ΛΕ'ΓΕΙ 'ΑΥΤΩ̃ (ὁ Ἰησοῦς).	'ΕΦΗ 'ΑΥΤΩῖ ὁ Ἰησοῦς·
8. 'ΑΜΗ'Ν ΛΕ'ΤΩ ΣΟΙ, ΠΡΙ'Ν Ἢ 'Ο 'ΑΛΕΚΤΡυὼν ΔΙ'Σ κοκκύξῃ, ΣΗ'ΜΕΡΟΝ, ΤΡΙ'Σ 'ΑΠΑΡΝΗ'ΣΗι ΜΕ ('ΕΝ ΤΑΥ'ΤΗι ΤΗῖ ΝΥΚΤΙ').	'ΑΜΗ'Ν ΛΕ'ΤΩ ΣΟΙ, 'ΟΤΙ (ΣΥ') ΣΗ'ΜΕΡΟΝ 'ΕΝ ΤΑΥ'ΤΗι ΤΗῖ ΝΥΚΤΙ', πρὶν (ἢ ΔΙ'Σ) 'ΑΛΕ'ΚΤορα φωνῆσαι, ΤΡΙ'Σ 'ΑΠΑΡΝΗ'ΣΗι ΜΕ.	'ΑΜΗ'Ν ΛΕ'ΤΩ ΣΟΙ, 'ΟΤΙ 'ΕΝ ΤΑΥ'ΤΗι ΤΗῖ ΝΥΚΤΙ', πρὶν 'ΑΛΕ'ΚΤορα (ἀλεκτροφωνίας) φονῆσαι ΤΡΙ'Σ 'ΑΠΑΡΝΗ'ΣΗι ΜΕ. [1]).

[1]) Варіанты у Тишендорфа, Novum Testamentum, editio septima major, — и Anger, Synopsis Evangeliorum Matthaei, Marci, Lucae et cet,— edit. secunda, pag. 219—220, § 129.

Эта сравнительная таблица текстовъ папируснаго и каноническаго, во 1-хъ, показываетъ намъ, что количественная разность между обоими текстами могла быть не такъ велика, какъ воображаютъ Биккель и Гарнакъ: текстъ папируса по нашей реставраціи № 2-й, если даже исключить выраженія помѣщенныя нами въ скобахъ, имѣетъ 217 буквъ; текстъ Марка—minimum 272, maximum—365; текстъ Матѳея—335: такимъ образомъ количественная разность между папирусным текстомъ и minimum'омъ Марка (=55) почти равняется разности между Тишендорфовыми текстами Марка и Матѳея (=49) и почти вдвое менѣе разности между minimum'омъ и maximum'омъ самого Марка (=93). — Во 2-хъ, мы отнимаемъ у Гарнака его наглядное доказательство исторіи преобразованія евангельскаго текста изъ простаго въ священно-торжественный, ибо получается полная возможность читать ἀμὴν λέγω σοι во фрагментѣ, такъ что разность въ данномъ изреченіи Христа между Маркомъ и фрагментомъ не превышаетъ той, какая существуетъ въ варіантахъ канонического текста. Въ 3-хъ, теряетъ доказательную силу и разсужденіе Гарнака о литературной наивности и отрывочности папируснаго текста, потому что при нашей реставраціи онъ получаетъ литературно-округленную и вполнѣ законченную форму.

При всемъ томъ файюмскій папирусъ не можетъ быть признанъ за непосредственный фрагментъ изъ каноническаго Евангелія отъ Марка. Нѣсколько иная чѣмъ у Марка связь предсказанія Господа о соблазнѣ и разсѣяніи учениковъ съ тайною вечерею,— отсутствіе пророчества Христа о предваренiи Имъ учениковъ въ Галилеѣ послѣ воскресенія, — родительный самостоятельный, не употребляющійся въ си-

поэтическомъ текстѣ при изложеніи бесѣдъ: эти и другія особенности заставляютъ видѣть въ файюмскомъ папирусѣ отрывокъ не изъ Евангелія Марка непосредственно, но изъ какого-либо другаго произведенія. Какого же?

Соглашаясь пока съ Биккелемъ и Гарнакомъ, что разсматриваемый фрагментъ принадлежалъ произведенію, излагавшему евангельскую исторію, мы должны указать сначала на слабость и произвольность тѣхъ общихъ критеріевъ, по которымъ названные ученые видятъ здѣсь евангельскій текстъ сравнительно болѣе древній чѣмъ канонический. Что сравнительно большая краткость и наглядность текста отнюдь не можетъ свидѣтельствовать о его сравнительно большей древности, это хорошо извѣстно каждому, кто занимался сравнительнымъ изслѣдованіемъ апокрифическихъ параллелей нашему каноническому тексту, въ которыхъ встрѣчаются нерѣдко совершенно аналогичныя файюмскому фрагменту отношенія текста позднѣйшаго къ древнѣйшему. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько параллелей каноническому тексту изъ позднѣйшихъ апокрифическихъ обработокъ его: первоевангелія Іакова, Евангелія Маркіона и Актовъ Пилата [1]).

Protoevangelium Iacobi, cap. XI, 2 — 3; XII, 2—3, Tischendorf. Evangelia Apocripha pag. 21—23.	Евангеліе отъ Луки, 1, 26—56 Tischendorf, edit. octava.
XI, 2. Καὶ ἰδοὺ ἄγγελος Κυρίου ἔστη ἐνώπιον αὐτῆς λέγων·	(26) Ἐν δὲ τῷ μηνὶ τῷ ἕκτῳ ἀπεστάλη ὁ ἄγγελος Γαβριὴλ ἀπὸ τοῦ θεοῦ εἰς πόλιν τῆς Γαλιλαίας ᾗ ὄνομα Ναζαρέθ, (ст. 27) πρὸς παρ-

[1]) Приводимъ нѣсколько выдержекъ для того чтобы дать читателю возможность самолично опредѣлить настоящую цѣну разсматриваемыхъ пріемовъ критики.

θένον ἐμνηστευμένην ἀνδρὶ ᾧ ὄνομα Ἰωσήφ, ἐξ οἴκου Δαβεὶδ, καὶ τὸ ὄνομα τῆς παρθένου Μαριάμ. (28) Καὶ εἰσελθὼν πρὸς αὐτὴν ὁ Ἄγγελος εἶπεν· χαῖρε, κεχαριτωμένη, ὁ κύριος μετὰ σοῦ. (29) Ἡ δὲ ἐπὶ τῷ λόγῳ διεταράχθη, καὶ διελογίζετο ποταπὸς εἴη ὁ ἀσπασμὸς οὗτος. (30) Καὶ εἶπεν ὁ Ἄγγελος αὐτῇ

Μὴ φοβοῦ Μαριάμ· εὗρες γὰρ χάριν ἐνώπιον τοῦ πάντων δεσπότου, καὶ συλλήψῃ ἐκ λόγου αὐτοῦ. ἡ δὲ ἀκούσασα διεκρίθη ἐν ἑαυτῇ λέγουσα· εἰ ἐγὼ συλλήψομαι ἀπὸ κυρίου θεοῦ ζῶντος καὶ γεννήσω ὡς πᾶσα γυνὴ γεννᾷ;

Μὴ φοβοῦ, Μαριάμ· εὗρες γὰρ χάριν παρὰ τῷ θεῷ. (31) καὶ ἰδοὺ συλλήψῃ ἐν γαστρὶ καὶ τέξῃ υἱόν, καὶ καλέσεις τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἰησοῦν. (32) οὗτος ἔσται μέγας καὶ υἱὸς ὑψίστου κληθήσεται, καὶ δώσει αὐτῷ κύριος ὁ θεὸς τὸν θρόνον Δαβεὶδ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ. (33) καὶ βασιλεύσει ἐπὶ τὸν οἶκον Ἰακὼβ εἰς τοὺς αἰῶνας, καὶ τῆς βασιλείας αὐτοῦ οὐκ ἔσται τέλος. (34) εἶπεν δὲ Μαριὰμ πρὸς τὸν ἄγγελον· πῶς ἔσται τοῦτο, ἐπεὶ ἄνδρα οὐ γινώσκω;

XI, 3. Καὶ εἶπεν ὁ ἄγγελος Κυρίου· Οὐχ οὕτως, Μαριάμ· δύναμις γὰρ κυρίου ἐπισκιάσει σοι· διὸ καὶ τὸ γεννώμενον ἐκ σοῦ ἅγιον κληθήσεται υἱὸς ὑψίστου· καὶ καλέσεις τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἰησοῦν· αὐτὸς γὰρ σώσει τὸν λαὸν αὐτοῦ ἀπὸ τῶν ἁμαρτιῶν αὐτῶν. Καὶ εἶπεν Μαριάμ· Ἰδοὺ ἡ δούλη κυρίου κατενώπιον αὐτοῦ· γένοιτό μοι κατὰ τὸ ῥῆμά σου.

(35) Καὶ ἀποκριθεὶς ὁ ἄγγελος εἶπεν αὐτῇ· πνεῦμα ἅγιον ἐπελεύσεται ἐπὶ σέ, καὶ δύναμις ὑψίστου ἐπισκιάσει σοι· διὸ καὶ τὸ γεννώμενον ἅγιον κληθήσεται υἱὸς θεοῦ. (36) καὶ ἰδοὺ Ἐλισαβὲτ ἡ συγγενίς σου καὶ αὐτὴ συνειληφυῖα υἱὸν ἐν γήρει αὐτῆς, καὶ οὗτος μὴν ἕκτος ἐστὶν αὐτῇ τῇ καλουμένῃ στείρᾳ· (37) ὅτι οὐκ ἀδυνατήσει παρὰ τοῦ θεοῦ πᾶν ῥῆμα. (38) εἶπεν δὲ Μαριάμ· ἰδοὺ ἡ δούλη κυρίου· γένοιτό μοι κατὰ τὸ ῥῆμά σου. Καὶ ἀπῆλθεν ἀπ' αὐτῆς ὁ ἄγγελος.

XII, 2. Χάραν δὲ λα-

(39) Ἀναστᾶσα δὲ Μαριὰμ ἐν ταῖς ἡμέραις

βοῦσα Μαριὰμ ἀπῆλει πρὸς Ἐλησαβὲτ τὴν συγγενίδα αὐτῆς. καὶ ἔκρουσεν πρὸς τὴν θύραν· καὶ ἀκούσασα ἡ Ἐλησαβὲτ ἔρριψεν τὸ κόκκινον καὶ ἔδραμεν πρὸς τὴν θύραν καὶ ἤνοιξεν, καὶ ἰδοῦσα τὴν Μαριὰμ εὐλόγησεν αὐτὴν καὶ εἶπεν·

ταύταις ἐπορεύθη εἰς τὴν ὀρεινὴν μετὰ σπουδῆς εἰς πόλιν Ἰούδα, (40) καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸν οἶκον Ζαχαρίου καὶ ἠσπάσατο τὴν Ἐλησαβέτ. (41) καὶ ἐγένετο ὡς ἤκουσεν τὸν ἀσπασμὸν τῆς Μαρίας ἡ Ἐλησαβέτ, ἐσκίρτησεν τὸ βρέφος ἐν τῇ κοιλίᾳ αὐτῆς. καὶ ἐπλήσθη πνεύματος ἁγίου ἡ Ἐλησαβέτ, (42) καὶ ἀνεφώνησεν κραυγῇ μεγάλῃ καὶ εἶπεν·

Πόθεν μοι τοῦτο ἵνα ἔλθῃ ἡ μήτηρ τοῦ κυρίου μου πρός μέ; ἰδοὺ γὰρ τὸ ἐν ἐμοὶ ἐσκίρτησεν καὶ εὐλόγησέν σε.

Εὐλογημένη σὺ ἐν γυναιξίν, καὶ εὐλογημένος ὁ καρπὸς τῆς κοιλίας σου. (43) καὶ πόθεν μοι τοῦτο ἵνα ἔλθῃ ἡ μήτηρ τοῦ κυρίου μου πρὸς ἐμέ, (44) ἰδοὺ γὰρ ὡς ἐγένετο ἡ φωνὴ τοῦ ἀσπασμοῦ σου εἰς τὰ ὦτά μου, ἐσκίρτησεν ἐν ἀγαλλιάσει τὸ βρέφος ἐν τῇ κοιλίᾳ μου. (45) καὶ μακαρία ἡ πιστεύσουσα ὅτι ἔσται τελείωσις τοῖς λελαλημένοις αὐτῇ παρὰ κυρίου.

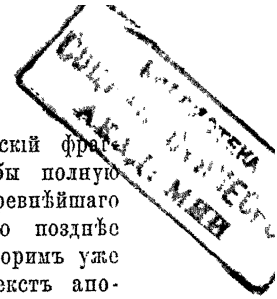
Μαριὰμ δὲ.... ἠτένισεν εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ εἶπεν· Τίς εἰμι ἐγώ, κύριε, ὅτι πᾶσαι αἱ γενεαὶ τῆς γῆς εὐλογοῦσίν με;

(46) Καὶ εἶπεν Μαριάμ· μεγαλύνει ἡ ψυχή μου τὸν κύριον, (47) καὶ ἠγαλλίασεν τὸ πνεῦμά μου ἐπὶ τῷ θεῷ τῷ σωτῆρί μου. (48) ὅτι ἐπέβλεψεν ἐπὶ τὴν ταπείνωσιν τῆς δούλης αὐτοῦ. ἰδοὺ γὰρ ἀπὸ τοῦ νῦν μακαριοῦσίν με πᾶσαι αἱ γενεαί, (49) ὅτι ἐποίησέν μοι μεγάλα ὁ δυνατός κ. τ. λ.

XII, 3. Καὶ ἐποίησεν τρεῖς μῆνας πρὸς τὴν Ἐλησαβέτ. ἡμέρᾳ δὲ καὶ ἡμέρᾳ ἡ γαστὴρ αὐτῆς ὠγκοῦτο.... καὶ ἀπῆλθεν εἰς τὸν οἶκον αὐτῆς.

(56) Ἔμεινεν δὲ Μαριὰμ σὺν αὐτῇ ὡς μῆνας τρεῖς, καὶ ὑπέστρεψεν εἰς τὸν οἶκον αὐτῆς.

Если бы изъ Первоевангелія Іакова до насъ дошли только вышеприведенныя мѣста, и притомъ въ



такомъ же неполномъ видѣ какъ файюмскій фрагментъ, то новѣйшіе критики получили бы полную возможность видѣть въ нихъ отрывки древнѣйшаго первоевангельскаго текста, изъ котораго позднѣе возникъ нашъ канонический Лука. Не говоримъ уже о томъ, что весь вообще приведенный текстъ апокрифическаго Евангелія втрое короче Луки, что послѣдній округленнѣе перваго и повидимому представляетъ *распространеніе* его,—укажемъ на слѣдующія особенности: 1., у Луки опредѣленно называется имя Ангела и мѣстности, гдѣ жила Елисавета, чего нѣтъ въ Первоевангеліи; 2., въ Первоев. говорится, что Марія зачнетъ по слову Его (Бога),— у Луки: Духъ Святый найдетъ на Тебя, — что, въ глазахъ новѣйшей критики, можетъ служить признакомъ позднѣйшей догматической тенденціи и указывать на такое время, когда было уже формулировано ученіе о трінпостасности Божества; подобный же признакъ тенденціозный критикъ увидитъ въ наименованіяхъ: Сынъ Вышняго (въ Первоевангеліи— теократическое наименованіе) и Сынъ Бога (у Луки—догматическая тенденція); 3., разсказъ Первоевангелія, что Марія постучала въ дверь, что, услыхавъ стукъ, Елисавета бросила тканье червленицы, побѣжала поспѣшно къ двери и отворила ее и проч. отличается большею наглядностію, чѣмъ краткое „и вошла въ домъ Захаріи“ Луки; 4., привѣтствіе, сказанное Елисаветою Богоматери, въ Первоевангеліи короче, ближе къ обычной разговорной рѣчи, не имѣетъ священно-торжественнаго и поэтическаго оттѣнка, какъ у Луки; 5., вмѣсто вдохновенной и библейско-ритмической пѣсни Богоматери, въ Первоевангеліи читаемъ только: „Маріамъ устремила взоръ къ небу и сказала: „кто Я, Господи, что всѣ роды

земли благословляютъ меня?“ 6., вмѣсто литературнаго выраженія Луки: ἔμεινεν σὺν αὐτῇ ὡς μῆνας τρεῖς, въ Первоевангеліи ближе къ народному говору: ἐποίησεν τρεῖς μῆνας πρὸς Ἐλισαβέτ; 7., наконецъ отсутствіе у Луки наглядnаго описанія беременности Маріи (ἡμέρα καὶ ἡμέρα ἡ γαστὴρ αὐτῆς ὠγκοῦτο) теорія могла бы объяснять тою же позднѣйшею догматическою тенденціею. Эти и многія подобныя же наблюденія можно бы было привести въ доказательство того, что приведенные отрывки изъ Первоевангелія Іакова представляютъ древнѣйшую и болѣе оригинальную форму евангельскаго текста. Къ счастію, древность сохранила намъ этотъ апокрифъ не въ отрывкахъ, а во всемъ его объемѣ, что̀ даетъ полную возможность убѣдиться въ обратномъ отношеніи его къ канопическому Лукѣ.

Беремъ другой примѣръ—изъ позднѣйшаго апокрифическаго евангелія (средины 2 вѣка) Маркіона. Будучи во многомъ буквально сходно съ нашимъ 3-мъ евангеліемъ, все оно вообще въ то же время болѣе чѣмъ вдвое короче Луки. Въ частности предлагаемъ сравнить съ Лук. 4, 16 — 40 слѣдующее мѣсто; (Thilo, Codex apocryphus Novi Testamenti, I, p. 404—405): καὶ ἦλθεν εἰς τὴν Ναζαρέτ, καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὴν συναγωγήν. Καὶ ἐκάθισε, καὶ πάντων ἐν τῇ συναγωγῇ οἱ ὀφθαλμοὶ ἦσαν ἀτενίζοντες αὐτῷ. Ἤρξατο δὲ λέγειν πρὸς αὐτούς. καὶ πάντες ἐθαύμαζον ἐπὶ τοῖς λόγοις τοῖς ἐκπορευομένοις ἐκ τοῦ στόματος αὐτοῦ. Καὶ εἶπε πρὸς αὐτούς· πάντως ἐρεῖτέ μοι τὴν παραβολὴν ταύτην· ἰατρέ, θεράπευσον σεαυτόν· ὅσα ἠκούσαμεν γενόμενα εἰς Καπερναούμ, ποίησον καὶ ὧδε. Καὶ ἐπλήσθησαν πάντες θυμοῦ ἐν τῇ συναγωγῇ ἀκούοντες ταῦτα κ.τ. λ. Биккель и Гарнакъ могли бы подвергнуть этотъ отрывокъ такимъ же операціямъ, какія совершаютъ они и надъ фаюмскимъ папирусомъ, и установить

такое же отношеніе Маркіонитскаго текста къ каноническому Лукѣ. Между тѣмъ и внутренній анализъ Маркіонитскаго текста сравнительно съ каноническимъ, и свидѣтельство Тертулліана, и наконецъ ясныя показанія самого Маркіона: все убѣждаетъ насъ въ томъ, что оригиналомъ для Маркіона былъ канонической Лука, котораго онъ рецензировалъ и сокращалъ для догматическихъ цѣлей [1]).

Приводимъ наконецъ третій примѣръ изъ такого апокрифа, котораго позднѣйшее происхожденіе не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Разумѣемъ Acta Pilati, написанные не ранѣе 5-го вѣка. Вмѣсто подробнаго и округленнаго разсказа каноническихъ Евангелій о торжественномъ входѣ Господа въ Іерусалимъ мы могли бы имѣть изъ этого апокрифа слѣдующій фрагментъ, заключающій въ себѣ почти всѣ Гарнаковы критеріи первичности евангельскаго текста (Tischend. op. cit. Gesta Pil. A. 1, 3 pag. 210); αὐτὸν καθήμενον ἐπὶ ὄνου, καὶ οἱ παῖδες τῶν Ἑβραίων κλάδους κατεῖχον ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν καὶ ἔκραζον, ἄλλοι δὲ ὑπεστρώννυον τὰ ἱμάτια αὐτῶν λέγοντες· σῶσον δή, ὁ ἐν ὑψίστοις· εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι κυρίου. Ср. Мѳ. 21, 1—11; Марк. 11, 1—10; Лук. 19, 29 — 44; Іоанн. 12, 14—19. Особенно ясный и убѣдительный примѣръ сокращеній нашего каноническаго текста въ позднѣйшихъ апокрифическихъ обработкахъ его представляютъ главы X и XI: о распятіи, смерти и погребеніи Господа (Tischendorf, p. 231—235). Кромѣ того предлагаемъ сравнить слѣдующія мѣста: Acta Pil. III, 2 Tischend. p. 219 и Іоан. XVIII, 37; Acta Pil. XIII, 3 Tischendorf p. 241—242 и Мато. XXVIII, 12—15; Acta Pil. 1, 2 Tisch. 208

---

[1]) Тертулліанъ, adv. Marcion, Епифаній, haeres. XLII.

и Іоан. XIX, 21—22; Acta II, 1 Tisch. 214 и Матѳ. XXVII, 19; Acta III, 1 Tisch. 218 и Іоан. XVIII, 30—32; Acta IV, 1 Tisch. 220 и Іоан. XVIII, 38.

Мы такъ долго остановились на этихъ параллеляхъ не столько для доказательства того, что файюмскій фрагментъ могъ принадлежать позднѣйшей апокрифической обработкѣ каноническаго текста, подобной одной изъ вышеуказанныхъ,—сколько для того, чтобы яснѣе раскрыть произвольность тѣхъ пріемовъ, которыми руководствуется современная модная критика нашихъ евангелій — на западѣ. Биккель и Гарнакъ въ настоящемъ дѣлѣ представляютъ не единичныя какія либо и исключительныя явленія, но слѣдуютъ по торной дорогѣ, какою уже цѣлое столѣтіе идетъ нѣмецкое богословіе въ критикѣ какъ нашихъ евангелій, такъ и всѣхъ вообще древне-христіанскихъ историческихъ памятниковъ. Внимательное сравненіе приведенныхъ выше параллелей дастъ каждому возможность воочію увидать, какъ ненадежна эта дорога и какую цѣну имѣютъ всѣ эти новѣйшія теоріи о генетическомъ и постепенномъ образованіи древне-христіанскихъ письменныхъ памятниковъ. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ всѣ права сказать, что на основаніи неполнаго семи-строчнаго фрагмента, хотя бы онъ даже и принадлежалъ сочиненію историческаго характера (апокрифическому евангелію), строить столь существенно-важныя теоріи, какова теорія первозаписей евангельскихъ, въ самомъ корнѣ измѣняющая вѣковыя церковныя воззрѣнія на характеръ и происхожденіе нашихъ евангелій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на все христіанство—по меньшей мѣрѣ легкомысленно.

Но спросимъ: дѣйствительно ли файюмскій папирусъ представляетъ отрывокъ изъ евангельско-исто-

рическаго сочиненія, подобнаго синоптическимъ евангеліямъ и въ частности Марку, какъ предполагаютъ Биккель и Гарнакъ?

Всматриваясь пристальнѣе въ текстъ разсматриваемаго отрывка, мы находимъ въ немъ такія особенности, которыя вынуждаютъ дать на поставленный вопросъ отвѣтъ отрицательный.

Судя по началу фрагмента, связь его съ предъидущимъ теченіемъ рѣчи можно возстановить приблизительно такъ: „во время вечери, когда ѣли, Господь сказалъ то и то; послѣ же вечери, когда вышли: всѣ соблазнитесь въ эту ночь“... Μετὰ δὲ τὸ φαγεῖν предполагаетъ непосредственно предшествовавшее ἐν τῷ φαγεῖν или ἐσθιόντων αὐτῶν εἶπεν (Матѳ. 26, 21 ср. Марк. 14, 22). И такъ какъ μετὰ δὲ τὸ φαγεῖν относится къ предсказанію Христа о соблазнѣ учениковъ и въ частности объ отреченіи Ап. Петра, то и предъидущій членъ противоположенія долженъ былъ служить опредѣленіемъ къ подобнымъ же словамъ Господа, но сказаннымъ во время вечери. Дѣйствительно изъ Лук. 22, 34 и Іоан. 13, 38 мы знаемъ, что уже на вечери Господь предрекъ отреченіе Петра почти въ такихъ же словахъ, какія по Матѳею и Марку сказаны были послѣ вечери, на пути къ Елеонской горѣ. На это двойное предсказаніе объ отреченіи Петра обращалъ вниманіе уже Таціанъ, который въ своемъ Діатессаронѣ отдавалъ предпочтеніе извѣстіямъ Луки и Іоанна предъ Матѳеемъ и Маркомъ [1]) .Имѣя всѣ данныя предполагать, что и въ файюмскомъ фрагментѣ сопоставлялись эти два предсказанія Господа, можемъ опредѣленнѣе возстановить коптекстъ отрывка въ такомъ видѣ: „ἐσθιόντων μὲν αὐτῶν (ἐν τῷ φαγεῖν) ὁ Ἰησοῦς εἶπεν· λέγω

[1]) Zahn § 61.

σοι, Πέτρε, οὐ φωνήσει (κοκκύξει) σήμερον ἀλέκτωρ (ἀλεκτρυών) ἕως (καὶ σύ) τρὶς ἀπαρνήσῃ με“ (Лук. 22, 34); или „ἀμὴν ἀμὴν λέγω σοι, οὐ μὴ ἀλέκτωρ (ἀλεκτρυών) φωνήσῃ (κοκκύξῃ) ἕως οὗ (καὶ σύ) ἀρνήσῃ με τρίς“ (Іоан. 13, 38),—μετὰ δὲ τὸ φαγεῖν, ὡς ἔξῆγον, πάντες [1])..... По всему видно, что главное вниманіе писателя фрагмента сосредоточено собственно на словахъ Христа объ отреченіи Петра и разсѣяніи апостоловъ. Выраженія же: „во время вечери“ и „послѣ вечери, когда вышли“ представляютъ лишь ближайшія обстоятельственныя опредѣленія, которыми анонимъ пользуется какъ извѣстными уже читателю историческими датами. Такой строй рѣчи, вполнѣ естественный и понятный въ позднѣйшей обработкѣ евангельскихъ повѣствованій (будь это огласительное поученіе, посланіе, гармонія, или другое что), рѣшительно невозможенъ въ первоначальномъ послѣдовательно-историческомъ изложеніи ихъ.

Къ такому же заключенію ведетъ и то явленіе, что слова Христа „всѣ соблазнитесь“ во фрагментѣ непосредственно примыкаютъ къ предъидущему вводному предложенію „какъ вышли“ безъ предварительнаго ἔφη, εἶπεν или λέγει, для которыхъ въ началѣ первой строки пѣтъ мѣста. Если, слѣдуя Бикkелевой реставраціи, совсѣмъ опустить этотъ глаголъ, то получимъ не имѣющую себѣ въ нашихъ евангеліяхъ аналогіи и для послѣдовательно-историческаго разсказа странную форму изложенія бесѣдъ и рѣчей Христа. Какъ бы ни былъ наивенъ и безсвязенъ первичный текстъ гипотетическихъ Логій

---

[1]) Что непосредственно предъ уцѣлѣвшими словами фрагмента рѣчь шла объ отреченіи Петра и пѣтелогласіи, видно изъ члена ὁ предъ ἀλεκτρυών во фрагментѣ, и отсутствія члена предъ ἀλέκτωρ у Луки и Іоанна.

Матѳеевыхъ, во всякомъ случаѣ трудно предполагать, чтобы въ нихъ, послѣ того какъ указаны второстепенныя и придаточныя опредѣленія, могли отсутствовать сказуемое и подлежащее главнаго предложенія. Подобныя явленія возможны только въ такихъ сочиненіяхъ въ, которыхъ главное вниманіе сосредоточено не на историческомъ повѣствованіи самомъ по себѣ, но на сопоставленіи и логической комбинаціи историческаго матеріала, уже извѣстнаго читателю по другому источнику.—Но мы не видимъ никакихъ препятствій читать ἔφη въ первой строкѣ послѣ πάντες, какого бы принципа реставраціи мы ни держались — 28 или же 31 — 32 буквеннаго. Въ такомъ случаѣ предъидущее разсужденіе наше получаетъ еще бо́льшую силу. Ни въ каноническихъ ни въ апокрифическихъ евангеліяхъ мы не находимъ аналогичнаго явленія, которое возможно было только или въ позднѣйшей болѣе живой и драматической обработкѣ евангельскихъ повѣствованій (напр. въ проповѣди) или же въ разсужденіи о евангельскихъ повѣствованіяхъ относительно отреченія Петра (напр. въ евангельской гармоніи). Во всякомъ случаѣ это ἔφη, стоящее не предъ πάντες, что̀ должно бы быть въ послѣдовательно-историческомъ повѣствованіи, но послѣ πάντες, служитъ яснымъ признакомъ уже вторичной обработки каноническаго текста.

Вполнѣ сохранившееся въ 3-й строкѣ выраженіе „τὸ γραφέν“ заставляетъ дополнить предъ нимъ предлогъ „κατά“. Такая цитація Ветхозавѣтнаго пророчества представляетъ двѣ особенности: 1) вмѣсто обыкновеннаго въ Новомъ Завѣтѣ прошедшаго совершеннаго (perfectum) — γέγραπται или γεγραμμένον (ἐστι) здѣсь стоитъ причастіе аориста историческаго τὸ γραφέν; 2) вмѣсто обычнаго γάρ и ὅτι —здѣсь предлогъ κατα. И обѣ эти особенности служатъ призна-

комъ вторичной и позднѣйшей обработки нашего каноническаго текста. Глаголъ γράφω, при указаніяхъ на Ветхій Завѣтъ, встрѣчается въ Н. Завѣтѣ почти 100 разъ,—и всегда въ прош. совершенномъ, когда цитатъ приводится ad demonstrationem, въ качествѣ пророчества, прообраза или вообще Слова Божія. Мы знаемъ только 6 исключеній, гдѣ употреблены аористы ἔγραψεν и ἐγράφη. Первый у Марка 10, 5; 12, 19; Луки 20, 28; Іоан. 1, 46 и 5. 46 — въ живой бесѣдѣ и въ связи съ личнымъ указаніемъ на Моисея, причемъ имѣется въ виду самъ Моисей, какъ лицо историческое, болѣе чѣмъ написанное имъ,—и кромѣ того — о такомъ постановленіи, которое имѣло только временно-историческое значеніе для жестоковыйныхъ предковъ евреевъ и которое потомъ было отмѣнено въ дальнѣйшей исторіи домостроительства божественнаго (въ Н. Завѣтѣ)[1]. — Второй только дважды у Ап. Павла въ 1 Кор. 9, 10 и 10, 11: въ первомъ мѣстѣ Апостолъ беретъ цитатъ ad explicationem и притомъ примѣнительно къ себѣ самому и другимъ Апостоламъ, слѣдовательно въ смыслѣ личномъ и частно-историческомъ; во второмъ дѣлается подобное же примѣненіе къ Коринѳянамъ ветхозавѣтныхъ историческихъ фактовъ — идолослуженія еврейскихъ предковъ и под.; въ обоихъ случаяхъ цитатъ связанъ съ Моисеемъ какъ лицомъ частно-историческимъ, а не вообще съ Писаніемъ какъ Словомъ Божіимъ. Въ прочихъ 90 мѣстахъ γράφω стоитъ въ прош. совершенномъ. Явленіе это объясняется тѣмъ, что въ сознаніи тогдашняго еврея Библія олицетворялась какъ существо живое, говорящее сердцу и уму вѣрующаго голосомъ живымъ и дѣйственнымъ [2].

---

[1]) Заповѣдь о разводѣ и законъ о бракѣ.
[2]) См Евр 4 12.

Отсюда аористъ историческій το γραφέν при цитаціи ветхозавѣтнаго пророчества былъ бы, если и не психологическою невозможностію, то во всякомъ случаѣ страннымъ исключеніемъ для природнаго еврея, каковымъ былъ Ап. Матоей. отрывокъ изъ Логій котораго склоненъ видѣть Гарнакъ въ файюмскомъ папирусѣ. Такая форма цитаціи выдаетъ въ авторѣ фрагмента позднѣйшаго христіанина-грека, въ сознаніи котораго вмѣсто еврейскаго олицетворенія Слова Божія преобладало абстрактное представленіе священной исторіи, ветхозавѣтныхъ постановленій и пророчествъ, т. е. вообще Библіи, какъ священной и богодуховенной книги съ пророчественно - историческимъ содержаніемъ. — То же самое свидѣтельствуетъ и вторая особенность разсматриваемаго выраженія. Во всѣхъ не только историческихъ, но и дидактическихъ книгахъ Н. Завѣта ветхозавѣтные цитаты приводятся въ формѣ демонстративной: ὅτι, γάρ, ὡς, καθώς γέγραπται или γεγραμμένον ἐστί, т. е. потому что, такъ какъ, поелику написано есть [1]). Объясненіе этому явленію мы должны искать въ субъективныхъ особенностяхъ того психологическаго процесса, какимъ развивалась вѣра во Христа у первыхъ Его учениковъ, Апостоловъ-евреевъ. Если основное зерно этого процесса посѣяно было въ сердцахъ Апостоловъ ученіемъ и дѣлами Христа, то почвой, на которой онъ возросталъ, и стихіей, которою питался и укрѣплялся, служило Ветхозавѣтное Писаніе. Въ евангеліяхъ мы находимъ частыя указанія на то, что Апостолы вѣрили во Христа именно потому, что такъ напи-

[1]) Только одинъ разъ встрѣчаемъ аккомодативную форму: κατὰ τὸ γεγραμμένον—сообразно съ тѣмъ, что написано есть, именно во 2 Кор. 4, 13, гдѣ Апостолъ примѣняетъ лично къ себѣ и Коринѳянамъ Исх 34, 33

сано о Немъ въ В. Завѣтѣ. Напротивъ въ субъективномъ процессѣ развитія вѣры у христіанъ позднѣйшихъ генерацій, изъ язычниковъ-грековъ, первое и существенное мѣсто имѣла проповѣдь христіанскихъ апостоловъ-миссіонеровъ; значеніе же В. Завѣта должно было сознаваться не такъ живо и болѣе абстрактно, въ формѣ отвлеченнаго доказательства или аккомодаціи. Мы хотимъ, однимъ словомъ, сказать, что отношеніе Ветхаго Завѣта къ Новому Апостолами-евреями сознавалось въ формѣ: „*потому что написано есть*“,—и потому только позднѣйшій христіанинъ-грекъ могъ написать: „*сообразно съ тѣмъ, что было написано.*“

Примѣчателенъ, затѣмъ, и самый цитатъ изъ Захаріи 13, 7: πατάξω τὸν ποιμένα καὶ τὰ πρόβατα διασκορπισθήσεται: поражу пастыря и овцы разсѣются. Въ еврейскомъ подлинникѣ это мѣсто читается такъ: הַךְ אֶת־הָרֹעֶה וְתָפוּצֶיןָ הַצֹּאן порази пастыря и разсѣется стадо (овцы). Въ переводѣ LXX: πατάξατε τοὺς ποιμένας καὶ ἐκσπάσατε τὰ πρόβατα—поразите пастырей и разсѣйте овецъ [1]). Очевидно, цитатъ какъ во фрагментѣ, такъ и въ каноническихъ евангеліяхъ приведенъ не по подлиннику и не по переводу LXX, но представляетъ своеобразную варіацію еврейскаго текста. Кому же, спрашивается, должны мы приписать первоначальную концепцію такой оригинальной формы цитата: автору ли фрагмента, составителю ли 2-го евангелія, или же писателю 1-го евангелія?—Всего менѣе автору фрагмента: аккомодативная

---

[1]) Чтеніе Александрійскаго кодекса, болѣе приближающееся къ подлиннику: πάταξον τὸν ποιμένα καὶ διασκορπισθήσονται τὰ πρόβατα τῆς ποίμνης—очевидно уже есть исправленіе по евангелію отъ Матѳея.

формула цитаціи κατὰ τὸ γραφέν не представляетъ достаточнаго мотива къ столь оригинальной формѣ цитата и вообще къ отступленію отъ подлинника или же отъ LXX. У Марка сравнительно съ Матѳеемъ вообще немного ветхозавѣтныхъ цитатъ, и хотя мы находимъ нѣкоторыя своеобразныя ихъ концепціи, тожественныя съ Матѳеевыми, но характеръ евангелія отъ Марка ясно даетъ намъ видѣть, что здѣсь эти концепціи не первоначальны, а заимствованы отъинуду. Простой, краткій и наглядный разсказъ евангельской исторіи самъ по себѣ не требовалъ отъ втораго евангелиста такихъ своеобразныхъ измѣненій ветхозавѣтнаго текста, такъ что контекстъ рѣчи и сила мысли у Марка нимало не ослабляются и въ томъ случаѣ, если привести эти цитаты буквально или по подлиннику или по LXX. Иное сказать надо о евангеліи отъ Матѳея. Отличительный характеръ и особенная цѣль этого евангелія — не только разсказать исторію земной жизни Господа, но и показать христіанамъ-евреямъ, что въ частныхъ моментахъ этой исторіи исполнились со всею точностію ветхозавѣтныя пророчества мессіанскія — требовали отъ перваго евангелиста болѣе чѣмъ отъ втораго постоянно обращаться къ параллелизаціи евангельскихъ событій съ ветхозавѣтными изреченіями, выдерживать до буквальной точности и какъ бы выставлять въ рельефъ эту параллелизацію, чтобы тѣмъ сильнѣе напечатлѣть ее въ умѣ читателя. Отсюда въ евангеліи отъ Матѳея вообще гораздо болѣе параллелей изъ В. Завѣта чѣмъ у Марка,—здѣсь же имѣетъ свой мотивъ и то явленіе, что евангелистъ, въ большинствѣ случаевъ слѣдуя буквально переводу LXX (когда параллелизація выдерживалась со всею точностію), нерѣдко обращается къ еврейскому подлиннику

(когда параллелизація по LXX оказывалась бы менѣе ясною) и иногда допускаетъ своеобразныя концепціи ветхозавѣтныхъ мѣстъ, отступающія отъ буквы подлинника и перевода LXX. Въ примѣръ можемъ указать на 2, 15, гдѣ изреченіе Осіи (11, 1), относящееся у пророка ближайшимъ образомъ къ исходу евреевъ изъ Египта, евангелистъ типологически примѣняетъ къ возвращенію Святаго Семейства изъ Египта въ Назаретъ (LXX: τὰ τέκνα αὐτοῦ, подлин. לְבָנָי):—и особенно на 2, 23, гдѣ въ словахъ: „дабы исполнилось реченное пророкомъ, что Назорееmъ назовется“ имѣется въ виду пророчество Исаіи 11, I и кромѣ того объединяются нѣкоторыя другія пророчества (Суд. 13, 5; 1 Цар. I, II)—по мысли, а не по буквѣ [1]). Подобный же мотивъ имѣетъ и разсматриваемое измѣненіе въ подлинномъ текстѣ Захаріи повелительнаго 2-го лица въ будущее 1-го лица, причемъ параллелизація пророчества съ новозавѣтнымъ событіемъ становится замѣтнѣе и яснѣе. Такимъ образомъ эта своеобразная цитата могла перейти во фрагментъ или отъ Матѳея непосредственно или же чрезъ Марка (что, какъ увидимъ, вѣроятнѣе) [2]). Предполагать же съ Гарнакомъ, что эта цитата перешла въ наше 1-е евангеліе изъ гипотетическихъ Логій Матѳеевыхъ, отрывокъ изъ которыхъ (въ греческомъ переводѣ) представляетъ файюмскій папирусъ, кромѣ всѣхъ другихъ основаній, не позволяетъ уже одна только аккомодативная формула κατὰ τὸ γραφέν, психологически невозможная для Апостола Матѳея.

---

[1]) Сравн. 21, 5; 8, 17 и др.

[2]) Этотъ цитатъ встрѣчается также въ посланіи Варнавы съ разными варіантами „ὅταν πατάξωσιν τὸν ποιμένα ἑαυτῶν τότε ἀπολεῖται (др. ἀπολίπεται τὸ πρόβατα τῆς ποίμνης; по

Обращаетъ на себя вниманіе и та форма, въ какой приводитъ фрагментъ слова Ап. Петра рядомъ съ пророчествомъ Христа. Уцѣлѣвшій въ 5-й строкѣ Γ предъ ΠΕΤ очевидно есть окончаніе члена (τοῦ),— такимъ образомъ слова Ап. Петра приведены въ формѣ придаточнаго предложенія (родительнаго самостоятельнаго) при главномъ ἔφη: „на слова Петра (сказавшу Петру) отвѣчалъ (Іисусъ)." Какъ особенность генія греческаго языка, родительный самостоятельный и вообще періодическая рѣчь новозавѣтными писателями-евреями употребляются неохотно, всего рѣже въ синоптическихъ евангеліяхъ (особенно въ первыхъ двухъ) и *никогда* отъ глаголовъ εἰρεῖν и λέγειν при изложеніи бесѣдъ и рѣчей. Это и понятно. Первичный и безыскуственный разсказъ всегда вообще предпочитаетъ обороты простые, приближающіеся къ обычному разговорному языку, который не любитъ періодическаго строя рѣчи;—въ частности отъ писателя-еврея всего естественнѣе ожидать оборотовъ, болѣе или менѣе приближающихся къ обычному строю еврейской рѣчи. Если же во фрагментѣ слова Ап. Петра приводятся въ формѣ придаточнаго предложенія при главномъ ἔφη предъ словами Христа, то это служитъ яснымъ признакомъ рефлексіи надъ евангельскими разсказами уже позднѣйшаго писателя-грека, который хотѣлъ оттѣнить логическое значеніе (въ періодѣ) словъ Ап. Петра сравнительно съ изреченіемъ Христа, послѣднія выставить въ рельефъ, а первыя поставить въ качествѣ служебнаго момента. Во всякомъ случаѣ мы находимъ

друг. ὅταν πατάξω τὸν ποιμένα τότε σκορπισθήσεται τὰ πρ. π. Какая редакція подлинна—трудно рѣшить; если послѣдняя, то она очевидно заимствована, какъ и въ евангеліи отъ Марка и во фрагментѣ файюмскомъ, изъ евангелія отъ Матоея См. Func, opera patrum Apostolicorum, T. I, p. 16.

здѣсь преднамѣренное сопоставленіе собственно двухъ предсказаній *Христа*, что вполнѣ естественно въ гомилетической или другой какой обработкѣ евангельскаго текста и совершенно непонятно въ простомъ объективно-историческомъ повѣствованіи.

Сравнивая этотъ родительный самостоятельный съ параллельными выраженіями у Матѳея и Марка, Гарнакъ, какъ мы знаемъ уже, находитъ здѣсь наглядную исторію распространенія евангельскаго текста изъ краткаго εἰπόντος Πέτρου фрагмента сначала въ ὁ δὲ Πέτρος ἔφη αὐτῷ Марка, а потомъ въ ἀποκριθεὶς δὲ ὁ Πέτρος εἶπεν αὐτῷ Матѳея. Между тѣмъ всѣ данныя заставляютъ переставить историческое отношеніе этихъ текстовъ въ обратномъ видѣ. Плеонастическое выраженіе ἀποκριθεὶς λέγει, εἶπε и под., часто встрѣчающееся въ нашихъ евангеліяхъ,—причемъ ἀποκρίνομαι употребляется въ значеніи отвѣта безъ предварительнаго вопроса,—есть оборотъ чисто еврейскій (гебраизмъ), представляющій буквальный переводъ библейскаго וַיַּעַן וַיֹּאמֶר (Быт. XVIII, 27; Исх. IV, 1; Второз. XXVII, 7) [1]). Ясное дѣло, что этотъ еврейскій колоритъ стиля мы должны считать признакомъ большей древности и оригинальности евангельскаго текста, такъ какъ первыми составителями евангельскихъ записей были Апостолы-евреи, а Матѳей первоначально написалъ свое евангеліе даже прямо на еврейскомъ языкѣ. Отсюда исторію разсматриваемыхъ текстовъ мы должны представлять такъ: первоначальное, съ еврейскимъ оттѣнкомъ, выраженіе Мат-

---

[1]) Ср. Второз. XVI, 5; Іов. III, 2; XXVIII, 3; XL, 7; 1 Цар. III, 26; XX, 12; Быт. XXIX, 20,26; Исх. XXI, 5; и др. См. Vorstium, De Hebraismis N. Testamenti, cap. XXXIII, p. 606 edit. Fischeri; Schleusner, Lexicon in N. Testamentum art. ἀποκρίνομαι.

θея ἀποκριθεὶς δὲ ὁ Πέτρος εἶπεν, у Марка изложенное безъ гебраизма ὁ δὲ Πέτρος ἔφη, фрагментъ передаетъ въ чисто греческой конструкціи родительнаго самостоятельнаго εἰπόντος δὲ τοῦ Πέτρου. Подобныя же замѣчанія мы должны сдѣлать и относительно неопредѣленнаго съ членомъ τὸ φαγεῖν послѣ предлога κατὰ въ 1-й строкѣ,— оборотъ чисто греческій, неохотно употребляющійся въ первыхъ двухъ евангеліяхъ, особенно у Матѳея.

Легко объясняются и другія особенности фрагмента, въ которыхъ Гарнакъ видитъ признаки его большей древности сравнительно съ Матѳеемъ и Маркомъ. Такъ, глаголъ ἐξῆγον вмѣсто каноническаго ἐξῆλθον [1]) свидѣтельствуетъ о позднѣйшей рецензіи нашего каноническаго текста—подъ вліяніемъ уже 4-го евангелія. Глаголъ этотъ часто встрѣчается въ переводѣ LXX [2]) и имѣетъ два значенія: переходное—выводить, заставить выдти,— и непереходное—выходить по приказанію или принужденію. Въ простомъ и первоначальномъ изложеніи евангельской исторіи этотъ глаголъ, стоящій безъ разъяснительнаго дополненія, былъ бы непонятенъ и ничѣмъ не мотивированъ. Напротивъ, въ позднѣйшей обработкѣ евангельскаго текста онъ могъ явиться подъ вліяніемъ приводимаго въ 4-мъ Евангеліи повелѣнія Христа, сказаннаго Имъ ученикамъ послѣ тайной вечери: ἐγείρεσθε, ἄγωμεν ἐντεῦθεν (Іоан. 14, 31). Такимъ образомъ это ἐξῆγον, вмѣсто ожидаемаго и болѣе естественнаго ἐξῆλθον, предполагаетъ въ составителѣ фрагмента знакомство не только съ синоптическими евангеліями, но и съ Евангеліемъ Іоанна.

---

[1]) Впрочемъ чтеніе Виккеля сомнительное, быть можетъ во фрагментѣ стояло ἐξῆλθον.

[2]) См. Schleusner, ibid. ad hoc verbum.

Слова Ап. Петра приведены во фрагментѣ нѣсколько короче чѣмъ у Марка;—нѣтъ двухъ словъ: σκανδαλισθήσονται и ἀλλά. Но если и не считать эту особенность за простой варіантъ, она легко объясняется стремленіемъ фрагментиста выставить въ рельефъ собственно изреченіе Христа, причемъ слова Петра, какъ побочная часть предложенія и въ логическомъ отношеніи второстепенная, приведены возможно короче и какъ бы мимоходомъ, въ качествѣ служебнаго мотива къ изреченію Христа.

Относительно ὁ ἀλεκτρυών и κοκκύξῃ замѣтить должно, что хотя онѣ болѣе вульгарны и болѣе конкретны чѣмъ каноническія ἀλέκτορα φωνῆσαι, но это отнюдь не свидѣтельствуетъ объ ихъ сравнительно большей первичности. Общензвѣстно, что иностранная рѣчь усвояется прежде всего и преимущественно въ правильной литературной формѣ, а не вульгарной. И это потому, что изученіе чужаго языка совершается большею частію по литературнымъ произведеніямъ его Для палестинскихъ евреевъ эпохи Христа главнымъ источникомъ при изученіи греческаго языка служилъ александрійскій переводъ Библіи. Отсюда греческій языкъ новозавѣтныхъ писателей приближается вообще къ языку LXX и, какъ и самый еврейскій языкъ, имѣетъ нѣкоторый священно-торжественный оттѣнокъ. Теперь: такъ какъ у LXX не встрѣчаются нигдѣ вульгарныя ἀλεκτρυών и κοκκύζω, но вмѣсто перваго находимъ литературно-поэтическую форму ἀλέκτωρ (Притч. 30, 31), [1]) а соотвѣтствующаго второму совсѣмъ нѣтъ, и только уже въ позднѣйшей греческой книгѣ употребляется κράζω (3 Макк. 5, 23) [2]), то ничего нѣтъ страннаго,

---

[1]) Καὶ ἀλέκτωρ ἐμπεριπατῶν ὀρθείαις εὔφυχος Tischend. II, edit. 3, XXIV, 66.

[2]) Ἄρτι δὲ ἀλεκτρυὼν ἐκεκράγει ὄρθριος. Tischend. ibid.

если въ священно-торжественномъ предсказаніи Христа мы встрѣчаемъ не народныя, но литературно-поэтическія формы словъ, болѣе соотвѣтствующія той торжественной минутѣ, въ которую онѣ были сказаны Христомъ. Что разсматриваемый вульгаризмъ не можетъ служить признакомъ бо́льшей древности файюмскаго фрагмента, показываетъ намъ переводъ цитованнаго мѣста Притчей (30, 31) у позднѣйшихъ Θеодотіона и Симмаха, которые вмѣсто ἀλέκτωρ древнѣйшаго LXX ставятъ народное ἀλεκτρυών [3]). Такимъ образомъ насколько неестественны и непонятны эти вульгаризмы въ подлинно-апостольскихъ произведеніяхъ, настолько же они вполнѣ возможны въ позднѣйшей гомилетической или другой какой обработкѣ евангельскаго текста писателемъ-грекомъ и для читателей-грековъ.

Особенно виднымъ признакомъ первичности папируснаго текста можетъ на первый взглядъ служить отсутствіе въ немъ торжественно-удостовѣрительной формулы ἀμὴν λέγω σοι, въ которой Гарнакъ находитъ позднѣйшую священно-литургическую обработку евангельскаго текста. Но, во 1-хъ, нѣтъ никакихъ основаній не читать этихъ словъ въ файюмскомъ фрагментѣ, такъ какъ есть полная возможность, при 31—32 буквенной реставраціи, помѣстить ихъ послѣ Ο(ὐκ) — въ концѣ 5-й строки и предъ ὁ ἀλεκτρυών— въ началѣ 6-й строки. Во 2-хъ, изреченіе это принадлежитъ къ обычнымъ особенностямъ учительнаго (раввинскаго) еврейскаго стиля, каковой нерѣдко употреблялъ и Христосъ. Поэтому какъ присутствіе этой формулы въ синоптическомъ текстѣ свидѣтельствуетъ о его древности и оригинальности, такъ наоборотъ—отсутствіе ея указываетъ уже на вторичную

[3]) Schleusner, Novus Thesaurus Vet. Test. ad hoc verbum.

обработку, сдѣланную спеціально для греческихъ читателей и греческимъ писателемъ, доказательствомъ чего можетъ служить опущеніе ея въ апокрифическихъ греческихъ обработкахъ евангельской исторіи и сравнительно рѣдкое употребленіе ея у Луки, котораго стиль болѣе чѣмъ у другихъ новозавѣтныхъ писателей приближается къ литературно-классическому. Въ 3-хъ, какъ слишкомъ обыкновенное торжественно-увѣрительное присловіе, изреченіе это принадлежитъ къ такимъ, которыя во многихъ мѣстахъ Новаго Завѣта не имѣютъ устойчиваго чтенія; разными кодексами оно 9 разъ опускается въ евангеліяхъ [1]) и 21 разъ въ другихъ книгахъ Новаго Завѣта [2]), такъ что отсутствіе его въ файюмскомъ фрагментѣ мы имѣемъ полное право признать простымъ варіантомъ.

Не трудно объяснить и отсутствіе во фрагментѣ пророчества Христа о предваренiи Имъ учениковъ въ Галилеѣ послѣ воскресенія, въ которомъ (пророчествѣ) приверженцы гипотезы первоевангельскихъ записей видятъ позднѣйшее наслоеніе къ подлинно-апостольскому тексту. Подлинность этого изреченія Христа заподозрѣна уже давно, между прочимъ Гильгенфельдомъ [3]), но чисто внутреннимъ основаніямъ, — и главнымъ образомъ потому, что она прерываетъ контекстъ рѣчи и является въ видѣ позднѣе внесенной глоссы. Но

---

[1]) Матѳ. 8, 2; 18, 19; 6, 13; 28, 20; Марк. 6, 11; 16, 20; Лук 13, 35; 24, 53; Іоан. 21, 25.

[2]) Римл. 15, 33; 16, 20; 1 Кор. 16, 24; 2 Кор. 13, 3; Ефес. 6, 24; Филип. 4, 23; Колос. 4, 18; 1 Оессал. 3, 13; 5, 28; 2 Оессал. 3, 18; 1 Тим. 6, 21; 2 Тим. 4, 22; Тит. 3, 15; Филим. 25; 1 Петр. 5, 14; 2 Петр. 3, 18; 1 Іоан. 5, 21; 2 Іоан. 13; Апок. 1, 18; 7, 12; 22, 21.

[3]) Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, 1868, 1, 64, Einleitung in das N. Testament, S. 491.

всевозможные перерывы и уклоненія въ живой рѣчи всегда возможны и вполнѣ естественны, такъ что заподозрѣвать подлинность тѣхъ или другихъ реченій на одномъ только этомъ основаніи является дѣломъ крайняго научнаго легкомыслія. Это—съ одной стороны. Съ другой—всѣ текстуально гарантированныя позднѣйшія глоссы къ подлинно-апостольскому тексту Новаго Завѣта представляютъ: или толкованіе какого-либо темнаго мѣста, или внесеніе новыхъ событій, или же оправданіе какой-либо догматической идеи. Ни одного изъ указанныхъ мотивовъ для внесенія предполагаемой глоссы въ данное мѣсто евангельскаго текста невозможно подыскать. Если указываютъ на Марк. 16, 7, гдѣ Ангелъ говоритъ женамъ: „идите, скажите ученикамъ Его, и Петру, что предваритъ васъ въ Галилеѣ, тамъ Его увидите, *какъ Онъ сказалъ вамъ*“, то надо замѣтить, что конецъ евангелія отъ Марка въ древнихъ кодексахъ сохранился не въ полномъ и не въ однообразномъ видѣ. Очевидно, здѣсь у Марка разумѣются: повелѣніе Христа, данное Имъ Самимъ женамъ „идите, возвѣстите братьямъ Моимъ, чтобы отошли въ Галилею, и тамъ Меня увидятъ“ (Матѳ. 28, 10) и слова Ангела: „вотъ предваритъ васъ въ Галилеѣ, тамъ Его увидите“ (Матѳ. 28, 7). И если бы глоссаторъ желалъ разъяснить и дополнить текстъ Марка въ 16, 7, то всего лучше и всего естественнѣе ему было бы приписать въ концѣ Евангелія продолженіе рѣчи Ангела по Матѳею. Почему же именно здѣсь, въ пророчествѣ Христа о соблазнѣ учениковъ и отреченіи Петра, а не въ другомъ какомъ мѣстѣ, глоссатору вздумалось помѣстить предполагаемую глоссу? Во всякомъ случаѣ въ виду того, что пророчество Христа о предваренiи Имъ учениковъ въ Галилеѣ послѣ воскресенія повидимому

не мирится съ повѣствованіемъ Іоанна о двукратномъ явленіи воскресшаго Господа всѣмъ Апостоламъ во Іерусалимѣ (Іоан. 20, 19 — 34), скорѣе могло бы случиться обратное, т.-е. опущеніе этого пророчества въ данномъ мѣстѣ, чѣмъ его внесеніе сюда. Что же въ частности до файюмскаго фрагмента, то отсутствіе въ немъ разсматриваемаго пророчества легко объясняется, если принимать текстъ папируса за гомилетическую или иную какую-либо обработку евангельскаго текста. Такъ какъ мы имѣемъ всѣ данныя утверждать, что фрагментистъ сопоставляетъ собственно два предсказанія Христа о соблазнѣ учениковъ и отреченіи Петра, изреченныя во время тайной вечери и послѣ нея, то въ этой преднамѣренной и логической обработкѣ евангельскихъ повѣствованій очевидно не могло быть мѣста пророчеству Христа о предваренія Имъ учениковъ въ Галилеѣ послѣ воскресенія: пророчество это лежало такъ сказать внѣ той спеціальной сферы, въ которой вращалась мысль фрагментиста.—Наконецъ, и это главное, мы имѣемъ твердое ручательство за подлинность этого текста въ свидѣтельствѣ, принадлежащемъ если и не болѣе древнему, то во всякомъ случаѣ тому же самому времени, къ какому относится происхожденіе фрагмента. Разумѣемъ одинъ, сохранившійся у Θеодорита, цитатъ изъ Валентинова сочиненія, гдѣ разсматриваемое пророчество читается буквально сходно съ нашимъ каноническимъ текстомъ: „καὶ προάξω ὑμᾶς, λέγει (Χριστός), τῇ τρίτῃ τῶν ἡμερῶν εἰς τὴν Γαλιλάιαν“ [1]).

Съ точки зрѣнія нашего предположенія легко объясняется и та особенность фрагмента, что его укло-

---

[1]) Theodor. H. E. 61; Anger, Synopsis, pag. 220, ad. h. loc.; Tischendorf, edit. VII major l. ad. Matth. 26, 32..

ненія отъ каноническаго Марка падаютъ собственно на историческую часть изложенія, между тѣмъ какъ тексты изреченій, особенно Христа, почти совпадаютъ. За исключеніемъ пророчества Христа о предваренін Имъ учениковъ въ Галилеѣ послѣ воскресенія, прочія слова Христа и Ап. Петра содержатъ у Марка 182 буквы, во фрагментѣ же по нашей реставраціи № 2—166. Эта разница падаетъ главнымъ образомъ на слова Петра, въ которыхъ фрагментъ опускаетъ ἀλλ' и σκανδαλισθήσονται, что можно признать простымъ варіантомъ,—и на конецъ фрагмента, возстановленнаго нами только по четыремъ неясно читаемымъ буквамъ. Если такимъ образомъ вѣрно то, что фрагментистъ все вниманіе свое сосредоточиваетъ на сопоставленіи собственно двухъ пророчествъ Христа о соблазнѣ всѣхъ учениковъ и отреченіи Петра, изреченныхъ за вечерею и послѣ нея, то нетрудно понять, почему папирусъ уклоняется отъ Марка только въ побочныхъ и обстоятельственныхъ частяхъ разсказа, между тѣмъ какъ въ словахъ Христа онъ совпадаетъ съ каноническимъ текстомъ.

Намъ остается объяснить еще одну и послѣднюю особенность фрагмента — его большее приближеніе къ тексту каноническаго Марка чѣмъ Матѳея. Основываясь на томъ, что изложеніе евангельской исторіи у Марка значительно короче, эпизодичнѣе и въ то же время наглядиѣе чѣмъ у Матѳея, многіе ученые считаютъ текстъ 2-го евангелія болѣе древнимъ сравнительно съ 1-мъ евангеліемъ, которое признаютъ уже позднѣйшею и вторичною обработкою. Но такъ какъ текстъ фрагмента, приближаясь ко 2-му евангелію, въ то же время отличается еще большею краткостію и наглядностію, то это и дастъ Гарнаку возможность видѣть въ файюмскомъ отрывкѣ чуть не оригиналъ Матоесвыхъ Логій. Предѣлы на-

стоящей замѣтки не позволяютъ намъ входить въ обслѣдованіе вопроса о сравнительной древности текстовъ 1-го и 2-го каноническихъ евангелій; — ограничиваемся только фрагментомъ. Изъ вышепомѣщенной сравнительной таблицы греческихъ текстовъ Матѳея и Марка видимъ, что въ разсматриваемомъ отдѣленіи текстъ Марка отличается нѣкоторою неустойчивостію и обиліемъ варіантовъ: въ иныхъ рукописяхъ онъ почти дословно совпадаетъ съ текстомъ Матѳея, а въ другихъ—даже превышаетъ этотъ послѣдній количественно. Уже въ виду этого одного явленія научная осторожность не позволяетъ дѣлать какихъ-либо рѣшительныхъ выводовъ относительно сравнительной древности обоихъ текстовъ, по крайней мѣрѣ въ данномъ отдѣленіи. Впрочемъ мы не хотимъ заподозривать наибольшую правильность того чтенія, какого держатся Тишендорфъ (7 и 8 изд.), Лахманъ, Лондонское изданіе и др., — и отрицать ту мысль, что файюмскій фрагментъ приближается болѣе къ Марку чѣмъ къ Матѳею. Но въ крайнемъ случаѣ это можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что фрагментистъ пользовался и переработывалъ текстъ именно Марка, а не Матѳея,—и ничего болѣе. Для объясненія этого явленія мы должны принять во вниманіе: съ одной стороны то, что мѣстомъ происхожденія фрагмента былъ Египетъ,—а съ другой то, что Евсевій, Іеронимъ, Епифаній, Хроникопъ Алекс. и др. сообщаютъ намъ древне-церковное преданіе объ апостольской дѣятельности Марка въ Египтѣ, объ основаніи имъ церкви въ Александріи, о мученической его тамъ кончинѣ и погребеніи [1]). Ори-

[1]) Евсевій въ H. E. II, 16 сообщаетъ это извѣстіе какъ древнее преданіе (φασί); Епифаній, Haeres. XI 6; Іеронимъ, De vir ill. c. 8; Ипполитъ, De LXX apost. 4; Дороѳей, De vita et morte prophet. 3; Chronic. Alex. ad. annum 43;

гипалъ фрагмента могъ появиться въ такое время, когда въ помѣстныхъ церквахъ память объ ихъ основателяхъ была еще очень жива, когда писанія сихъ послѣднихъ имѣли въ основанныхъ ими церквахъ сравнительно большее распространеніе и читались въ церковныхъ собраніяхъ преимущественнѣе предъ другими книгами Новаго Завѣта. Такъ объясняется, почему александрійскій писатель пользуется текстомъ Марка, причемъ нѣтъ конечно никакой необходимости полагать, чтобы прочія Евангелія ему не были извѣстны.

Въ виду всего сказаннаго мы имѣемъ безспорное право не признавать въ файюмскомъ папирусѣ отрывокъ изъ мнимаго подлинно-апостольскаго первоевангелія, но считать его за позднѣйшую, чисто-греческую и при томъ популярную обработку евангельскаго текста вообще, и въ особенности нашего каноническаго Марка. Какой характеръ имѣла эта обработка—гомилетическій, гармонистическій, или какой-либо иной—рѣшить это не имѣемъ возможности. Быть можетъ при дальнѣйшей разработкѣ файюмскаго архива найдется и весь свитокъ, часть котораго представляетъ разсмотрѣнный фрагментъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ то несомнѣнно и очевидно для каждаго безпристрастнаго изслѣдователя, что 98-буквенный фрагментъ величина слишкомъ ничтожная для того, чтобы поколебать всеобщее и всегдашнее вѣрованіе церкви, подтверждаемое и внѣшне-историческими свидѣтельствами древнихъ мужей и внутреннимъ характеромъ евангелій, въ ихъ подлинно-апостольское происхожденіе. И если мы удѣляемъ такъ много вниманія этому не-

---

Никифоръ, H. E. II, 43. Ср. извѣстіе Иринея (adv. haeres. III, 1), что Маркъ пережилъ Ап. Петра.

большому фрагменту, то единственно лишь съ тою цѣлью, чтобы дать русскимъ образованнымъ читателямъ наглядный урокъ изъ области весьма спеціальной и мало доступной не-теологу. Въ подобныхъ случаяхъ читающая и думающая масса обыкновенно довольствуется лишь поверхностнымъ знакомствомъ съ общими выводами теорій, и притомъ изъ вторыхъ рукъ, чрезъ популяризаторовъ въ родѣ Ренана, которымъ свойственна слабость — смутныя и неустойчивыя гаданія солидныхъ ученыхъ выдавать за якобы непреложные выводы науки. У насъ въ Россіи такимъ недугомъ страждетъ извѣстный графъ Л. Толстой, не пошедшій въ изученіи вопроса далѣе жиденькаго и популярнаго введенія къ Ренановой Vie de Jésus. Если бы нашъ непризванный теологъ снизошелъ до желанія ближе познакомиться съ предметомъ, о которомъ онъ имѣетъ столь мутныя представленія, онъ безъ сомнѣнія устыдился бы той самоувѣренности и категоричности, съ какими онъ объявилъ каноническія евангелія за позднѣйшую обработку древнѣйшихъ, до насъ недошедшихъ, первозаписей апостольскихъ. Изъ нашей статьи читатель получитъ наглядное представленіе о всѣхъ тѣхъ искусственныхъ операціяхъ, къ какимъ прибѣгаютъ приверженцы модной теоріи евангельскихъ первозаписей. При этомъ замѣтить надо, что файюмскій фрагментъ представляетъ для подобныхъ операцій гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ всѣ другіе матеріалы, доселѣ бывшіе въ распоряженіи теоріи. Поэтому мы съ совершенно покойною совѣстью можемъ видѣть въ этомъ фрагментѣ пробный камень для всей вообще теоріи. И если она оказывается немощною въ анализѣ разсматриваемаго отрывка, то еще болѣе безсилія, произвола и искусственности обнаруживаетъ она въ своихъ операціяхъ надъ другими, менѣе для сего удобными, матеріалами.

